

судьбология”, которое подчеркивает особую роль человека как творческого субъекта своей судьбы. Его авторы в дискуссиях с христианскими психотерапевтами настаивали, что смысл жизни человека быть сотворцом своего жизненного пути наравне со Всевышним.

В целом, на фоне растущей прагматики жизни, социальных контрастов, политических коллизий и экономических проблем, конференция по экзистенциальной психологии и жизнотворчеству выглядела своеобразным оазисом.

Обсуждение учеными и практиками экзистенциальных феноменов – это профессиональный ответ на вызов современных тенденций развития мирового сообщества в целом и в России, в частности. Это попытка дать научные ответы на вопросы, широко обсуждаемые мировой общественностью – можно ли продолжать опыты по

клонированию человека, позволительно ли пользоваться эфтаназией как возможностью безболезненно уйти из жизни, к чему приведет практика крионики – замораживания людей с целью их оживления в будущем, как решать демографические проблемы в развитых странах и т.д.

Подводя итоги работы, участники признали главным результатом конференции сам факт ее проведения, а также учреждение отечественного института Экзистенциальной Психологии и Жизнотворчества. Свое отношение к другим направлениям научной и практической психологии участники выразили словами Вольтера – пусть растут все цветы, которые кого-то радуют.

Е.П. Варламова,
канд. психол. наук, доцент

ИТОГИ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИП РАН

В феврале 2001 г. в Институте психологии РАН (ИП РАН) прошла конференция по итогам научной работы его сотрудников. Во вступительном слове директор ИП РАН А.В. Брушлинский отметил, что поскольку приоритетным направлением работы института является тема “**Психология субъекта**”, то существенный интерес представляет обсуждение следующих вопросов.

Субъект – это человек, люди на **высшем** (индивидуализированно для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности и т.д. Любой человек не рождается субъектом, а становится им, начиная примерно с 7–10 лет, когда он постепенно овладевает хотя бы простейшими **понятиями** (арифметическими, грамматическими и т.д.), в которых он все более полно раскрывает существенные свойства и отношения **объекта**. Субъектом может стать и группа людей по мере формирования у них общих интересов, целей и т.д. (например, субъект совместной деятельности, совместной собственности). Высший уровень деятельности субъекта является таковым по отношению к 1) **предшествующим** (т.е. до-субъектным) стадиям развития, а также по сравнению со всеми 2) остальными определениями человека (как личности, индивидуальности и т.д.).

В таком смысле *the subject* – это не обязательно участник психологического эксперимента, не испытуемый, а *the Self* (самость) как целостность (*the totality*), как *the Actor* (деятель) и т.д.

Итак, субъект – это всеохватывающее, **наиболее** широкое понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (*social*), общественных (*societal*), индивидуальных и т.д. Личность, – напротив, менее широ-

кое определение человеческого индивида. Оно обычно раскрывает глубокую взаимосвязь лишь некоторых, хотя и очень существенных черт человека: экстраверсия – интроверсия, тревожность, ригидность, импульсивность и т.д. (например, *Big Five*).

Согласно иному подходу, наиболее общим определением человека является не субъект, а индивидуальность. Она, бесспорно, очень существенна и в повседневной жизни, и для науки, и во всех других отношениях. Однако если психология будет основное внимание уделять лишь индивидуальным особенностям и различиям людей, ей грозит опасность целиком перейти на позиции идеографического, т.е. индивидуализирующего подхода. Тогда ее задачей станет только описание (но не объяснение) фактов, поскольку они рассматриваются лишь как неповторяющиеся, однократные, “одноразовые”, чисто индивидуальные явления. В этом случае психология неизбежно выпадает из системы наук (номотетических), раскрывающих закономерности, т.е. то, что является наиболее существенным, повторяющимся и т.д. даже в случае определенных индивидуальных “отклонений”.

В соответствии с программой работы сессии было заслушано 13 докладов.

В докладе Дозорцевой А.В. и Сергиенко Е.А. “**Развитие когнитивных способностей и исполнительных действий в раннем младенческом возрасте**” были представлены результаты экспериментального исследования соотношения восприятия, ментальной репрезентации и исполнительных действий у младенцев 7–18 месяцев. Проведено сравнение выполнения детьми задач трех типов: 1 – когнитивных на поиск объекта (Ж. Пиаже), предполагающих наличие репрезентации о спря-

танном объекте и исполнительных мануальных действий; 2 – перцептивно-моторных (задача А. Даймонд), нацеленных на разную степень организации мануальных действий по доставанию видимого предмета; 3-й тип задач предполагал наличие когнитивной репрезентации спрятанного объекта, но не требовал мануального поиска. Результаты показали, что младенцы 7–8 мес. наиболее успешны в решении только тех задач, которые не требуют мануального исполнения. Исполнительные мануальные действия отстают в развитии от возможностей репрезентации спрятанного объекта, так как опираются на широкий контекст моторной готовности ребенка (развитие удержания баланса позы, становление взаимодополняющих движений рук, тонкой моторики руки, адаптации руки к размеру объекта). Гетерохронность в развитии восприятия объекта и возможностей моторного обеспечения исполнительных действий ставит под сомнение ведущую роль практических действий в развитии концепции объекта. Данные показали, что мануальные исполнительные действия не могут служить надежным показателем представлений младенцев о спрятанном объекте, как это полагал Ж. Пиаже.

О.Е. Сварник в докладе “**Формирование индивидуального опыта: нейрогенетическая перспектива**” отметила, что логика развития методологии и методов науки, заставляющая преодолевать междисциплинарные барьеры, определяет возможность и необходимость все большего привлечения методов генетики, нейронаук, физиологии для эффективной разработки многих проблем психологии, в том числе, проблемы формирования нового индивидуального опыта. На нейронном уровне этот процесс может быть описан как формирование нейронных специализаций относительно новых систем поведения, выражающееся в модификации активности нейронов, а на молекулярном уровне – как изменение активности генома, опосредующее сравнительно долгосрочные изменения функционирования нейрона. Проведенные эксперименты показывают, что эти процессы неразрывно связаны, так как именно в тех областях, которые характеризуются большим числом нейронов, специализированных относительно вновь формируемых элементов индивидуального опыта (новых систем поведения), наблюдается изменение активности генома, выраженное в повышенной экспрессии непосредственных ранних генов, в частности гена *c-fos*.

Е.Е. Торчинская в докладе “**Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу у спинальных больных**” обсуждала проблему психологической адаптации спинальных больных к жизни после травмы. Особое внимание уделялось перестройкам в ценностно-смысловой сфере, происходящим в процессе совладения с последствиями травмы, а также по-

зитивным возможностям изменения личности в результате переживания травматического опыта. В зависимости от срока травмы процесс изменений эмоционально-когнитивной сферы личности у спинальных больных проходит ряд этапов: в начале это переживание физической утраты, позже – утраты социального статуса, затем – духовный кризис. В то же время успешность стратегии совладания определяется не столько сроком с момента травмы, сколько особенностями структуры ценностно-смысловой сферы и местом ценностей метауровня в иерархии личности.

На основании этого можно выделить ряд тенденций психологической адаптации: *пассивную, приспособленческую* и собственно *адаптивную*. Для пассивной тенденции характерны: высокая степень рассогласованности мотивационно-личностной сферы, неудовлетворенность практически всеми сферами своей жизни и при этом отсутствие желания что-либо менять. Положительный конструктивный элемент подобного способа переживания и совладания с травмой заключается в активизации и высвечивании основных внутриличностных противоречий и препятствий, которые указывают путь к интеграции личностного ядра. Приспособленческая тенденция адаптации проявляется в ориентации на организацию быта при отсутствии потребности в личностном росте; ценности метауровня не являются личностно значимыми. Позитивный аспект переживания заключается в том, что, несмотря на отсутствие устойчивого переформирования “Я” и активизации ценностей метауровня, при соприкосновении с глубинными переживаниями у индивида остается модель, которую можно использовать для завершения трансформации. Приоритет ценностей творчества и познания играет позитивную роль в процессе конструктивного совладания с травмой и самореализации и является основой адаптивной стратегии. Человек становится способным эстетизировать свои переживания, соотносить их с общим культурным контекстом, проживать события заново и делать их историей. Это представляется возможным не только при опоре на потребности витального и социального уровней, но и при активизации *духовного потенциала*.

Я.Ю. Енумаев сделал доклад на тему: “**Взаимосвязь формально-динамических свойств индивидуальности с выраженностью признаков посттравматического стрессового расстройства**”. Им обследовалась группа (62 человека) – добровольцы, офицеры Российской Армии, принимавшие участие в боевых действиях на территории Чечни. Пакет психодиагностических методик состоял из: шкалы оценки влияния травматического события (ШОВТС); миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций (военный вариант); опросника формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ); шкалы оценки тяжести

боевого опыта (LCES). Обнаружено, что у 19% испытуемых наблюдается высокий уровень выраженности признаков посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Установлена взаимосвязь эмоциональности ($R_s = 0.3, p = 0.01$) адаптивности ($R_s = -0.3, p = 0.03$) и выраженности признаков ПТСР. Выявлено, что для испытуемых без ПТСР характерен смешанный низко эмоциональный тип темперамента. Получены данные о взаимосвязи скорости в коммуникативной сфере с такими признаками ПТСР, как вторжение ($R_s = -0.3, p = 0.04$) и гипервозбуждение ($R_s = -0.2, p = 0.05$). Выдвинуто предположение, что темперамент можно отнести к группе факторов риска развития ПТСР.

В докладе *Л.В. Ключниковой* **“Взаимосвязь межгруппового восприятия и социально-психологической адаптации переселенцев (на примере немцев, выехавших из России и других стран СНГ в Германию на постоянное место жительства)”** было выявлено, что адаптированность на индивидуальном и межгрупповом уровнях не всегда однозначно связаны. Огромная роль в адаптации отводится активности самого переселенца, а также характеристикам социальной среды, в которую он переселился, в частности, помощи со стороны государства, оказываемой переселенцам (обучение языку, пособия и т.д.). Знание о том, что в Германии есть возможность добиться цели, также может определять и активность переселенца, и ощущение адаптированности на новом месте. Каким образом переселенец ведет себя в новой среде, как интерпретирует действительность, – это обусловлено его индивидуально-психологическими особенностями, социально-демографическими характеристиками и др. факторами. Для более глубокого понимания того, как проходит адаптация у переселенцев, объединившихся с материнским этносом, выявлены этноинтегрирующие и этнодифференцирующие компоненты межгруппового восприятия. Проанализирована взаимосвязь межгруппового восприятия и социально-психологической адаптации переселенцев. Оказалось, что с ростом социально-психологической адаптированности уменьшается дифференциация в восприятии между переселенцами и местными жителями, но остаются и различия в виде устойчивых автостереотипов.

А.Н. Лебедев, И.Ю. Мышкин и Б.Г. Бовин в своем докладе **“Оценка психологических параметров личности по электроэнцефаллограмме”** показали, что по опросникам ММРІ и В.М. Русалова (566 и 150 вопросов соответственно) можно определить численные значения основных шкал для каждого из 215 испытуемых (161 человек – тест ММРІ и 54 – тест В.М. Русалова). У всех были записаны электроэнцефалограммы покоя монополярно в шести отведениях (F3, F4, C3, C4, O1, O2) в течение пяти минут и вычислены такие параме-

тры ЭЭГ, как частота, амплитуда, различные показатели взаимосвязи колебаний. В каждой выборке у половины испытуемых найдены коэффициенты уравнений множественной линейной регрессии для прогноза психологических показателей по параметрам ЭЭГ. У остальных вычисленные по уравнениям значения шкал в половине случаев совпали с психологическими данными.

Коэффициенты корреляции для шести шкал из 13 по каждому тесту достоверно отличались от нуля, достигая максимум +0.6 для теста Русалова и +0.4 для теста ММРІ. Расчеты для выборки в целом оказались более точными. Все шкалы в обоих тестах были связаны достоверно с вычисленными по ЭЭГ показателями. Исследование позволило сделать вывод, что психологический портрет человека закодирован в потенциалах ЭЭГ.

В докладе *А.Н. Воронина* **“Интеллект в ситуациях межличностного взаимодействия”** предпринята попытка содержательного соотнесения интеллекта и мышления при рассмотрении процесса решения задач. По мнению автора, при исследовании интеллекта всегда имеет место распределение ролей и этапов решения конкретной задачи между участниками этого процесса (обследуемый и психодиагност, испытуемый и экспериментатор, учитель и ученик, групповое решение задач). Приведенные в докладе результаты исследований дают основание полагать, что характер взаимодействия между людьми, осуществляющими различные этапы решения, существенным образом влияет на структуру и уровень интеллекта обследуемого.

Доклад *Н.А. Алмаева* был посвящен проблеме **“Измерения фоносемантического пространства и новый способ интерпретации факторных очков”**. Исследовалась возможность конструирования моделей значения, которые точно соответствовали бы пересечениям значений шкал семантического дифференциала, т.е. фиксировали бы только то общее, что имеется во всех шкалах с наибольшими факторными весами. Для осуществления этой возможности автор предложил воспользоваться набором необходимых дескриптивных характеристик значения. Это интенциональность и интенциональные модификации, которые он выделяет вслед за Э. Гуссерлем, а так же психическая энергия и функции управления ею. Психическая энергия понимается как информационный ресурс, необходимый для осуществления интенциональных актов. Это – характеристика потенциальности интенций. В отличие от интенций энергетический ресурс не обладает направленностью, но резервируется интенциональными структурами в конкурентной борьбе друг с другом. Выделяются две необходимые функции управления этим ресурсом, запрос энергии и оценка ее наличного уровня. Применение новых средств описания значений

проиллюстрировано на материале факторного анализа результатов семантического дифференциала фонем русского языка, полученных А.П. Журавлевым (1974). Первый фактор можно интерпретировать как доступное количество психической энергии. Второй – как необходимость усиления поиска психической энергии. Третий – как темп, т.е. интенсивность запросов психической энергии. Четвертый – величина ресурса, который должен быть зарезервирован для непосредственной представленности объекта в сознании. Предложенная факторная структура позволяет найти новое приложение для факторных очков. Через анализ факторных очков фонем становится возможным интерпретировать процессы понимания значений, стоящих за категориями семантического дифференциала. Изменение факторных очков при переходе от фонемы к фонеме позволяет конкретизировать процессы, связанные с пониманием значений суффиксов в том, что касается управления когнитивными ресурсами.

В докладе **“Психология безопасности профессиональной деятельности”** Ф.Е. Иванов обращается к теоретическим и экспериментальным результатам исследований по актуальным проблемам психологии безопасности профессиональной деятельности человека в социотехнических системах.

Проанализированы различные методологические основания организации безопасности профессиональной деятельности человека в потенциально опасных сферах труда. Найдены и системно представлены новые подходы к типологии оригинальных ситуаций профессиональной деятельности, позволяющие по-новому обосновать методы преодоления и предотвращения происшествий и инцидентов в социотехнических системах.

Проблема **“Моделирование в исследованиях надежности персонала атомной станции”** изучалась Л.А. Львовой. Проведенное исследование позволило автору разработать четырехуровневую модель анализа ошибок персонала атомных станций (АС): ошибочные действия персонала АС; типы ошибок; коренные причины ошибок; механизмы управления и регуляции с обратными связями.

Предложенная модель используется для анализа причин ошибок персонала АС, а также для выявления достаточности обратных связей, обеспечивающих надежное и безопасное функционирование АС как сложной социотехнической системы.

Благодаря значительному объему статистических данных, полученных при анализе отчетов о расследовании нарушений в работе АС, вызванных ошибками персонала, была предложена вероятностная модель в виде “дерева” ошибок. Используя результаты анализа каждого нарушения

в работе АС, связанного с ошибками персонала, строились “деревья” ошибок и рассчитывались условные вероятности совершения ошибочного действия по той или иной причине. Вероятностная модель ошибок персонала является частью вероятностного анализа безопасности АС.

Предлагаемая модель может быть использована как для анализа ошибок персонала АС и их основных причин, так и для прогнозирования ошибочных действий персонала.

Предложенный метод может быть использован при моделировании ошибок и причин, а также для их прогнозирования в любой сложной социотехнической системе при конкретизации задач.

В докладе А.А. Обознова **“Когнитивные стили как детерминанты стрессоустойчивого профессионального повеления”** приводятся данные о взаимосвязи между показателями когнитивных стилей (КС) “полезависимость–полenezависимость” и “импульсивность–рефлексивность” и профессиональной успешностью сотрудников правоохранительных органов. Показано, что среди сотрудников с высокой профессиональной успешностью относительное число “рефлексивных” составляет 67%, тогда как импульсивных – 33%. Напротив, в группе сотрудников с менее высокой успешностью наблюдается обратное соотношение: 27% “рефлексивных” и 73% “импульсивных”. Анализ взаимосвязи КС “полезависимость–полenezависимость” с успешностью профессиональной деятельности показал, что среди сотрудников с высокой успешностью относительное число “полезависимых” и “полenezависимых” одинаково, а при менее высокой – преобладание “полenezависимых” наблюдается более чем в два раза.

Доминирование “рефлексивного” КС у наиболее успешных сотрудников может быть объяснено тем, что им более свойственно стремление к последовательному анализу стрессогенных ситуаций, чем “импульсивным” сотрудникам.

Доклад М.И. Воловиковой назывался **“Личностные представления о празднике”**. Для исследования была составлена анкета открытого типа, содержащая задания на ассоциации (“закончите предложение: для меня праздник это...”) и на актуализацию памяти о конкретном праздничном событии (“постарайтесь описать праздник, который Вам особенно запомнился” и “чем именно он Вам запомнился?”). В исследовании приняло участие 300 взрослых человек разных национальностей, живущих в России (русские, буряты, татары, осетины, калмыки и др.) и 100 подростков-старшеклассников (из Москвы, Элисты и станицы Вешенской на Дону). Микро-семантический анализ и контент-анализ анкет показали важное место, которое занимает праздник в жизни современной личности. Выделились следующие темы, с кото-

рыми связаны представления о празднике: веселье и радость, общение, чувство единства с другими людьми, угощение, песни и танцы. В целом вне зависимости от пола, возраста и национальности на первое место по частоте упоминания у взрослых вышли Новый год и День рождения (юбилей – чаще это 50-летие). Новый год стал в представлениях взрослых основным праздником. Анализ анкет, заполненных подростками, обнаруживает тенденцию (особенно у юных жителей Москвы) к обеднению праздничной культуры (появляются темы алкогольного отравления, наркотиков и др.). Подростки запоминают *новые* праздники (“Шолоховская весна” в станице Вешенской). Наблюдается также момент *интернационализации* праздничных представлений (западный День святого Валентина стал прототипом праздника для многих старшеклассников-калмыков из Элисты).

В.А. Соснин выступил с докладом “**Психология религии в западной исследовательской практике**” (американский опыт), в котором был сделан критический обзор исследований и истории становления данного направления в западной социальной психологии.

Рассмотрены концептуально-терминологические и теоретико-методологические проблемы, в частности, принцип методологического атеизма, проблема операционализации и измерения.

Анализировались способы религиозного влияния для решения практических проблем в жизни отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Выделены три направления социально-ориентированной религиозной активности:

профилактика (предохранение населения – укрепление семейных отношений, предотвращение девиантных форм поведения молодежи, пропаганда здорового образа жизни и укрепления просоциальных ценностей, оздоровление общественной жизни);

реабилитация (восстановительные виды социальной деятельности, ориентированные на исцеление человека после перенесения стрессовых ситуаций, от алкоголизма, наркотической зависимости и т.п.).

совершенствование группового функционирования (поддержка групп, занимающих в обществе дискриминированное положение).

Конференция закончилась дискуссией. В числе обсуждаемых были следующие проблемы: что такое субъект; каково соотношение понятий субъект и личность; что представляет собой модель в психологии; соотношение перцептивных и моторных компонентов в раннем младенческом возрасте; критерии, на основе которых психологию можно считать объективной наукой; проблема интерпретации научного факта; связь психологии с практикой и др.

В дискуссии приняли участие: В.А. Бодров, А.В. Пасынкова, Т.А. Ребеко, В.М. Русалов, В.А. Гаврилов, М.А. Холодная, Т.Ф. Базылевич, А.Н. Лебедев, Е.А. Сергиенко, В.В. Знаков, В.А. Елисеев, И.Г. Скотникова, А.Н. Лебедев.

С заключительным словом выступил А.В. Брушинский.

Т.И. Артемьева,
канд. психол. наук,
ст. науч. сотр. ИП РАН